

ГОИГ

Газета о нашей гимназии

8 февраля 2022 года № 8 (267)

Блокада Ленинграда

8.09.1941 - 27.01.1944

Свидетельства очевидцев

Блок Ада

Ленинград 1941 – 1944 гг.

*В блокадных днях мы так и не узнали:
Меж юностью и детством где черта?..
Ю. П. Воронов*

Война... Как незаметно она подкралась... Ещё вчера они были детьми, играли, смеялись, пели... пока не наступило 22 июня 1941 года. Началась война. Вдруг стало тревожно, матери начали собирать сыновей на фронт, а отцы - прощаться с детьми и жёнами, не зная, вернутся ли. Ещё долго одиннадцатилетняя Нинель не могла поверить в то, что это случилось: всё произошло так внезапно...

***

Мы вошли в аудиторию. Нас встретила пожилая дама девяносто трёх лет. Она была невысокого роста, её волосы давно поседели, а на груди были ордена. Женщина улыбалась. Тот день был особенным — 27 января, день снятия блокады Ленинграда, день Победы для его жителей. Также это был день, когда нам предстояло выслушать лекцию от человека, оказавшегося в начале 40-х годов запертым в стенах города на Неве. Какого же было наше удивление, когда лектор заговорила по-английски, прося нас пересесть поближе. Да... она хотела привлечь наше внимание, и у неё это получилось.

Нинель Алексеевна Нестерова родилась в 1929 году. Когда началась война, её отец ушел на фронт, и дети перестали с ним видеться. Мама, работавшая до войны учительницей, пошла работать на завод «Красный треугольник», занимавшийся выпуском продукции для армии, и дома появлялась далеко не каждый день — раз-два в неделю. А дети ходили в школу. Даже

тогда, будучи физически ослабленными, они находили в себе силы продолжать работу! На заводах, в школах и госпиталях - везде трудились люди, взрослые и дети, ведь они были нужны своему городу, были нужны своей стране, а главное — были нужны друг другу.

Работа не прекращалась и у дикторов на радио. Нинель Алексеевна вспоминает: «Тросыпаешься утром, лежишь в кровати, прислушиваясь к звуку метронома, и не знаешь, жив ли ещё. Но вдруг из радиоприёмника раздаётся женский голос: „Слушай нас, родная страна! Говорит Ленинград!“ - и понимаешь: мы не одни, мы не брошены на произвол судьбы. И это придавало силы двигаться дальше, продолжать борьбу».

Тогда, осенью сорок первого года, ледяное дыхание смерти повисло над городом. Голод, безумный голод, заставлял людей находить себе еду любой ценой:

*Да, мы не скроем: в эти дни
мы ели землю, клей, ремни;
но, съев похлебку из ремней,
вставал к станку упрямый мастер...¹*

И всё равно они оставались людьми: помогали, заботились друг о друге, любили! Продолжать существование им помогала культура. Ленинградцы с трепетом слушали стихотворения советской поэтессы Ольги Берггольц, выступавшей на радио. Симфония №7 «Ленинградская» Д. Д. Шостаковича дала изможденным горожанам заряд энергии, она оживила их, ведь эта героическая музыка вобрала в себя всё то, что ощущал народ: надежду на спасение, веру в победу, готовность принести себя в жертву, но помочь Родине; - и в то же время обезвредила фашистов, дав им понять, что они проиграли эту войну. Также помогали атланты Эрмитажа, поражавшие своей стойкостью:

---

1 Ольга Берггольц

*Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,
Где без питья и хлеба,
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.²*

Люди блокадного Ленинграда были совсем другими. Запертые в стенах своего города, они не знали лени. Они трудились, не покладая рук, продолжали учиться, выживали, как могли. Они не знали детства, война заставила их повзрослеть. Для каждого из них фраза «Обещаю» была нерушимой клятвой. И эту невероятную стойкость духа, веру в лучшее, желание помочь нуждающимся, жители блокадного Ленинграда пронесли с собой сквозь года.

***

Было видно, что Нинель Алексеевне рассказ дался нелегко. Она не раз брала в руки носовой платочек, чтобы промокнуть влажные глаза. Казалось, что, смотря на свою детскую фотографию, перед её глазами мелькали кадры того ужасного времени. Но она продолжала. Зал заморожено слушал. Поразительно, что после блокады она продолжила обучение, выучила английский, преподавала в ВУЗе, и сейчас, сохранив живость ума, эта девяностотрёхлетняя бабушка стояла перед нами и улыбалась. И мы восхищённо улыбались ей в ответ.

Софья Четверухина, 96

---

2 Александр Городницкий

Говорит Ленинград

«Дух бодр, плоть же немощна»
(Мф.26:41)

- It's very nice to see you, - миниатюрная старушка окинула взглядом зал и заметила удивление в наших глазах.

- Oh, do you understand English? That's good. Don't worry, I'm going to speak Russian later. I just want to catch your attention... Because the theme of Leningrad blockade isn't the one to speak English about.

Зазвонил телефон (ох, сколько он потом ещё звонил в тот вечер), и она, взяв трубку, сказала на чистом русском языке:

- Аллё?

Внешне Нинель Алексеевна ничем особенно не выделялась, кроме, пожалуй, блестящих орденов. Встретишь такого человека на улице - и не вспомнишь потом, и не разглядишь, что это приветливое лицо обветрено метелями блокадного Ленинграда...

Но вот начинается лекция, похожая больше на драматический монолог и одновременно на проникновенный рассказ о жизни обычной ленинградской девочки, пережившей войну. По рядам пускают фотографию: уверенный, чуть озорной взгляд, косички баранками, головка, склонённая набок... 22 июня 1941 года ей 11 лет. Какое счастье: с бабушкой и сестрёнкой Нинель едет на дачу, на

Финский залив, на всё лето! Будут купаться, загорать, играть во всякие игры!.. (есть, правда, ещё бабушка, но кто ж её слушается?)

Этот день Нинель Алексеевна запомнила на всю жизнь. Она в деталях помнит, во что была одета, людей, которые ехали в том поезде, своё настроение... Тревога подступила, когда весёлые путешественницы заметили, что их попутчики чем-то обеспокоены. Оказалось, началась война с Германией, но девочки не поверили. Какая может быть война, когда лето в разгаре, светит солнце, а они едут на Финский залив? Тем более, что советские школьники учили немецкий язык и переписывались с ребятами из Германии.

Но через несколько дней слухи подтвердились. Родители забрали Нинель с сестрёнкой и бабушкой в город. На опустевшей даче остались панамки и сандалики - за ними собирались вскоре вернуться... Отец ушёл на Ленинградский фронт. Никто по-прежнему не верил в происходящее. Позиции были недалеко, и папа мог иногда навещать семью, хотя постепенно приезжал всё реже и реже. В июле был совершён первый авианалёт на Ленинград: завывла сирена, люди бросились по бомбоубежищам, и тогда-то ужас накрыл собой: война действительно началась. И идёт вовсю.

В начале осени разбомбили продовольственные Бадаевские склады, и дым шёл цветной: мука горела одним пламенем, масло другим, зерно третьим... Потом люди приходили туда, рыли землю, кипятили, выбрасывали накипь и пили - эта земля была сладкая. По словам Нинель Алексеевны, голод - это не значит «ой, что-то кушать захотелось». Это физиологическое состояние, когда человек готов на любые преступления, лишь бы что-нибудь съесть. Поэтому первое время детей старались не выпускать на улицу одних.

Главное при этом - быть занятым, понимать, что то, что ты делаешь, нужно другим людям. Занятие отвлекает от мыслей о голоде. Учительница сказала ребятам, чтобы они непременно приходили в школу. Уроки по-прежнему шли, но теперь в здании открылся транзитный госпиталь, и требовалась помощь подростков. В первый день Нинель поразило, что прямо здесь, перед ней, на раскладушках, матрасах и просто на полу, поверх шинели, лежат защитники Родины, пострадавшие за неё. Оказалось, что нужно этим людям было совсем немного: поправить простыню, напоить, написать письмо домой, помыть пол. За эти нехитрые услуги солдаты были так благодарны, едва слышно называли дочкой, угощали сухарями и кусочками сахара. Подарочки девочка обычно относила домой, сестрёнке. В конце дня медсестра спрашивала её: «Завтра придёшь? Да? Пообещай». В то время слово «обещаю» было почти клятвой. И ребята обещали. И приходили, несмотря ни на что.

Как сказал поэт-блокадник Андрей Битов, это был «блок ада». Над городом витало ледяное дыхание смерти, но он жил. На день выдавалось 125 г хлеба, знаменитые «125 блокадных грамм с свинцом и кровью пополам». Семье Нинель Алексеевны повезло: мама, по профессии учительница, пошла работать на фабрику «Красный треугольник», до войны выпускавшую резиновые изделия (в том числе ботинки и калоши на красной подкладке - мечту всех тогдашних ребят), а теперь - снаряды. Семьям рабочих выдавалось 150 г, а их самих дополнительно подкармливали каким-то студнем, который мама тоже приносила дочкам. Работала она почти целые сутки, домой приходила редко - 2-3 раза в неделю.

Люди умирали прямо на улицах. Однажды девочка шла на Сенной рынок, где продавали столярный клей: если его развести и сварить, можно есть. Вдруг видит - прямо на тротуаре сидит женщина, голова опущена. Что с ней, жива ли? Слышится слабый голос: «Помогите... помогите...». Мама строго запрещала самой поднимать людей: и ему не поможешь, и сама упадёшь, да не встанешь. Тогда Нинель стала звать взрослых. И прохожие откликнулись. Вшестером-впятером они подняли женщину, та поблагодарила и пошла дальше...

Шла война против голодных и замерзающих женщин, стариков и детей, за которой следил весь мир. Но Троя, Карфаген, Измаил пали, а Ленинград не пал. И была одержана победа духа над плотью, правоты над подлостью, добра над злом.

Наши прадедушки, воевавшие на передовой, обычно мало рассказывали о войне. Увы, большинства из них уже не осталось в живых, а нам нельзя забывать подвиг тех людей.

Нинель Алексеевна пришла к нам в школу и говорила без маски, честно и откровенно, чтобы передать нам, потомкам, самое главное: это не должно повториться.

Дарья Борисова, 9г

Блокада Ленинграда

История одной семьи

8 сентября 1941 года, когда началась блокада Ленинграда, моему дедушке, Сярке Евгению Викторовичу, не было и шести лет. Но, слушая его рассказ о войне, казалось, что только вчера Левитан объявил по радио о том, что немцы окружили город. Каждое сообщение, каждый новый день со 125 граммами хлеба, каждое вздрагивание ночью от удара снаряда – всё навсегда осталось в памяти.

За маленьким кусочком черного хлеба, свежего, теплого, уже с утра стояли очереди. К обеду всё раскупали. Ни один ленинградец не забудет его вкус – смесь отрубей и опилок, ни грамма муки – но этот вкус – вкус жизни. Зимой 42-го, самой страшной и тяжелой, из-за обстрелов перестали работать канализация и водопровод. Воду брали из Невы и из речки Карповки.

Люди ели животных. Отчаяние и страх убивали в некоторых человечность, были и людоеды. Когда однажды мой дедушка шел по улице с мамой, к ним подошли две женщины, одна из них отошла в сторону, а другая стала расспрашивать о чем-то мать, пытаясь отвлечь ее внимание. Объясняя проезд, мать не заметила, что вторая женщина взяла за руку моего дедушку и уже стала уводить, но он закричал. Эта счастливая случайность спасла его жизнь, ведь тогда детей похищали, чтобы утолить невыносимый голод...

Каждую ночь на крышах домов дежурили жильцы. Немцы бросали с самолетов фосфорные бомбы - «зажигалки». Погасить их можно было только песком. Люди должны были скидывать бомбы вниз, чтобы не загорелся дом.

Мой дедушка родился в большой семье. Он с родителями и братом жил на Петроградской стороне. В январе 42-го года погиб от голода его четырехлетний братик. Он помнит, как вез его, уже мертвого, на санках до Александровского парка, к кинотеатру «Великан», куда привозили всех погибших людей. Оттуда на трамвае их увозили на Серафимовское кладбище. Потом от голода умер отец и два его брата. У дедушкиного отца была сестра - Эльза. Ей было 14 лет, когда ее с матерью эвакуировали через Ладожское озеро в деревню Кабона. Её мать умерла в дороге, девочка осталась одна. Не сумев пережить голод и одиночество, она утопилась в колодце. В семейном альбоме хранятся ее фотографии, красивой с длинными русыми косами и печальными глазами.

Эта зима 42-го года была самой тяжелой для ленинградцев. Уже в 43 году Красная Армия прорвала блокаду, тогда была построена железная дорога к Ленинграду, по которой в город стали ввозить больше хлеба. В январе 1944 года блокада была снята.

Около миллиона человек погибло за три мучительных года. Из огромной семьи после Блокады выжил только мой дедушка с матерью. В 44-ом ему было уже 8 лет. Узнавая о той жизни, нашему поколению, выросшему на красочном и реалистичном кинематографе, не сложно представить взрывы снарядов и бомб, но трагедию людей, переживших войну, нам не понять, поэтому уважать их память - самое малое, но и самое справедливое, что мы можем для них сделать.

*Мария Ероховец, 36 параллель, 2019 год
Впервые статья была опубликована в 5 (149) номере ГОНГа*